

Кирилл Леонидов

ЭКСПЕРИМЕНТ

Кирилл Леонидов

Эксперимент

«Издательские решения»

Леонидов К.

Эксперимент / К. Леонидов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747543-7

Какой смысл жить, если смерть беспощадно уничтожает все самое лучшее и дорогое? Она неизбежно рано или поздно выходит победителем над жизнью, как наверняка настигнет лев беспомощную лань в вольере, когда той просто некуда бежать. Антон возненавидел смерть, но эта ненависть подтолкнула его как психолога, может быть, к нестандартному, но вполне профессиональному решению — заставила взяться за работу. Антон решил изучать смерть.

ISBN 978-5-44-747543-7

© Леонидов К.
© Издательские решения

Содержание

Непризнанный гений	8
Риск – дело благородное	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эксперимент

Кирилл Леонидов

Любимой Лоре посвящается

*Я ведь не сказал, что это возможно,
я сказал, что это произошло!*

Уильям Крукс

© Кирилл Леонидов, 2016

© Дмитрий Дорофеев, дизайн обложки, 2016

Корректор Ольга Сокурченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что такое навсегда потерять любимого человека, начинаешь осознавать по-настоящему только тогда, когда по судьбе выпадет такая потеря. Тем, кто испытал эту беду, вряд ли помогут медики. Собственная жизнь кажется бессмысленной, и пытаться обрести ее снова – все равно, что поднять из пепла и привить сожженное дерево. Кажется, сгорает душа, и даже если дышишь, кислород не питает ткани.

Наташа умерла внезапно от сердечного приступа всего в тридцать пять. Он был рядом: вызывал врачей по телефону, пытался сделать искусственное дыхание, что-то кричал ей в истерике, ревел, как затравленный зверь... Он никогда не видел смерть такой близкой и страшной в своей естественной, беспощадной простоте. По-настоящему страшно всегда то, что просто. Она бледнела и задыхалась. Перед тем, как потерять сознание, произнесла только одно: «За что?»

Потом ему сказали: «Получите вещи и распишитесь». Вручили кольца, часы, серьги в завернутом носовом платке, платке Наташи. Заставили все проверить, пересчитать, где-то расписаться. И никто не сказал при этом, что она скоро вернется... В нем, в этом платке было все, что от нее осталось.

Поднимаясь на крутую кладбищенскую гору, Кирилл Дымов снова и снова переживал тот последний день. После похорон прошло всего три дня, но казалось, что времени нет: как будто бездна поглотила его и растворила в черной бесконечности, лишив ощущения жизни.

Вот могила. Он вошел в металлическую ограду, еще временную (Дымов решил сделать памятник позднее по индивидуальному проекту), положил цветы перед крашеной пирамидой «временки» с маленьким Наташиным портретом, закрепленным на болтах. Долго и отчужденно смотрел на это странное сооружение, как на воплощение человеческой ничтожности и наивности перед неизвестной стихией пустоты, и вспомнил все ласковые слова, которыми ее называл. Эти слова, как секретные коды, знали только они.

Дымов видел себя и жену на теплоходе в круизе по Средиземному за год до... Они танцевали под Розенбаумовский «Вальс-бостон», а ветер завораживал ароматом моря и снисходительно швырял в них забортную холодную влажную пыль. Дымов жадно целовал соленые от воды Наташины губы, она отвечала то с упругой силой, то с нежностью, в которых были и озорство с таинственным притяжением женской власти, и незащищенность:

– Это называется вместе пять лет? Где положенная супругу ровность чувств?

Дымов притворно вздохнул:

– Ну, прости, ну нет еще. У меня ж роман.

– Подумаешь, любовь... – засмеялась она. – Никакого душевного равновесия.

...Кладбищенское время не поддается учету. Дымов еще долго стоял неподвижно и не заметил, как внезапно стемнело, рванул сильный ветер, другой ветер, не тот. Этот был тяжеловат и настойчив. Как будто предвещал что-то. Кирилла забросало сухими сентябрьскими листьями, кепка слетела с головы. Ветер нарастал, темнота как-то странно быстро сгустилась. «Что за чертовщина, сколько времени?» – Кирилл ухватился за ограду памятника и вдруг понял, что Наташи здесь просто нет. Он обманут своим собственным невежеством. Все, кто сюда приходят и поклоняются тлену, обманывают себя. Здесь никого нет.

«Никого нет...» – эхом пронеслось у Дымова в сознании. Он невольно отступил назад и, ощутив на своем плече чье-то прикосновение, удивленно обернулся. Сзади стоял человек невысокого роста, худощавый (в отличие от коренастого и плечистого Дымова), с тонкими чертами на узком лице и таким же узким клинышком темной бороды. Все в этом человеке было тонким, узким, мелким, темным. Таких людей, как правило, плохо запоминают и постоянно с кем-то путают. Мужчина протянул Кириллу упавшую кепку и твердо сказал:

– Вы правы, ее, действительно, здесь нет.

Дымов растерянно улыбнулся. Он ничего не понял.

– Простите, я...

– Ее здесь нет. Возьмите головной убор – простудитесь, не июль.

– Вы откуда взялись?

– Я здесь уже давно.

– Зачем?

Дымов, плохо соображая, всмотрелся в этого человека, почему-то решил, что перед ним вежливый кладбищенский грабитель, который просто решил для начала завязать разговор. «Может быть, у него такой криминальный почерк? А черт его знает, бывает ведь всякое. Но...» Тут Кирилл вспомнил первые слова незнакомца «ее здесь нет» и неожиданно для себя грубо ухватил его рукой за воротник пальто:

– Мысли читаете, Кашпировский? Что за ерунда?

Мужчина спокойно посмотрел Кириллу в глаза:

– Это не ерунда. Хотите ее увидеть?

– Кого?

– Хотите увидеть вашу Наташу, пообщаться с ней?

Дымов вскипел:

– Вот с тобой я сейчас и пообщаюсь!

Правая рука была свободной, и он сжал кулак, чтобы врезать незнакомцу от всей души.

– Да подождите вы драться, не горячитесь. Может, мне не надо было так сразу...

Тот протянул что-то похожее на визитку, неловко обронил, но не поднял и, невозмутимо убрав руку удивленного Дымова со своего пальто, медленно пошел к дороге. Потом, остановившись, негромко, но отчетливо сказал, не оборачиваясь:

– У вас есть шанс быть с ней.

– Она что... жива, что ли? – Кирилл сам поразился своему вопросу.

– Не умирает никто.

Последние слова уходящего словно прозвучали у Дымова изнутри.

– Лечиться надо, придурок! – крикнул он вслед.

Потом очнулся. Никакого ветра и человека не было. Подумал: «Схожу с ума». Но все же опустил глаза под ноги и даже присел на корточки. На земле действительно лежала выполненная на цветной полиграфии визитная карточка. Дымов поднял и прочел: «Липовецкий Аркадий. Психолог. ООО «ОПЫТ», ул. Новодворьевская, 15».

«Не психолог, а псих», – подумал Кирилл, смял визитку и небрежно сунул в карман куртки. Он разозлился, как никогда в жизни. За себя и за жену. Решил шутника разыскать и все же разобраться с ним по-мужски. По пути к дому долго мысленно издевался над собой:

«Ну и спросил „Она жива?“ Точно сбрендил». Но когда вернулся к тому странному ощущению, будто ее на кладбище нет, стало жутко. Тогда он решил не приходить сюда до тех пор, пока не объяснит себе это умопомрачение. Ведь если так чувствовать, как вообще возможно бывать здесь? Для кого и зачем?

Непризнанный гений

Селекторное совещание с начальниками районных отделов милиции заканчивалось. Начальник УВД города Рудного полковник Матвеев раздавал коллегам последние служебные «затрещины» и указания. Больше всего досталось начальнику Малореченского РОВД, майору Петру Кошкину. На его участке за прошедшие сутки два громких по меркам их города убийства (депутата городского собрания и предпринимателя), две новые квартирные кражи, при том что не удалось установить преступников по предыдущим трем, а почерк во всех случаях был похож: брали только бытовую технику, двери открывали отмычкой. Кроме того, поступили сведения об исчезновении людей.

Матвеев, как всегда, говорил тяжелым, сиплым голосом, что придавало его речи особенно жесткий характер:

– Твои опера только водку жрать умеют. А еще устраивать в ресторане стрельбу из табельного оружия по плафонам. Вот это вы можете!

– Дело давнее, товарищ полковник... Людей этих уж и в органах-то нет, ну? – сдержанно-умоляюще возразил майор.

Но сегодня был не тот случай, чтобы к его возражениям могли прислушаться. Матвеев продолжал уже с угрозой:

– С твоими бездельниками я еще разберусь. Ни одного стоящего оперативного мероприятия за неделю! Вы меня нагишом перед областью выставляете. Короче, привет из Сочи, через неделю, двадцатого сентября жду от тебя конкретную информацию по убийствам, по кражам и пропажам. Устал или разучился работать – сиди на даче, б..., в своей Егорьевке и корми кроликов. У меня все!

Кошкин медленно выдохнул. Он чувствовал, как лицо побагровело, сдавило виски – подскочило давление. Годы службы перед завершением карьеры давались ему как последние шаги альпиниста по крутой горе к величественному покою вершины, называемой пенсией. Майор позвонил в приемную:

– Олеся, опергруппу и розыскной ко мне!

Потом – жене:

– Пошли Сашку с таблетками: давление, наверно.

Супруга на другом конце провода тоже вздохнула. Она была тем альпинистом, который ждал в базовом лагере. И неизвестно еще, кому было тяжелее.

Оперативная группа – пятеро молодых оперов и седой, как лунь, эксперт-криминалист – собралась моментально. Видимо, люди чувствовали, что на селекторном будет разнос, а затем начальник, конечно же, позовет к себе для передачи дубины разноса по эстафете. Чуть позже подошла женщина-лейтенант из розыскного. Совещание началось с краткого вступления Кошкина:

– Ситуацию знаете, информация на руках, разберем по персоналиям. Кто будет докладывать по депутату?

Задав этот вопрос, Кошкин имел в виду убийство депутата Антоненко, расстрелянного на дачном участке из проезжавшего автомобиля. Начальник группы Николай Круглов рассказал об обстоятельствах:

– Осмотр места происшествия ничего существенного не дал. «Калаш» найден недалеко от места преступления, найдены пять гильз от него. Свидетелей преступления, как обычно, нет. Связи депутата выясняются. За основу берем пока две версии, обе связаны с его депутатской деятельностью: Антоненко разрешал конфликтную ситуацию между администрацией города и Союзом предпринимателей по поводу определения маршрутов коммерческих автобусов в городе и за последние два месяца снял три маршрута, а еще стал председателем город-

ского отделения ЛДПР. Информация по оперативной линии его связи с уголовниками не подтверждает. Опрошены родственники, соседи. Восстановлена картина двух последних дней перед происшествием. У нас есть сведения о некоторых его любопытных контактах с руководством Союза предпринимателей, а еще, между прочим, с людьми Халилова.

Халилов не нуждался в заочном представлении Круглова. Это был самый влиятельный преступный авторитет в городе, лидер азербайджанской группировки.

– Жена говорит (здесь Круглов сделал голосом акцент), что был один звонок с угрозами за неделю до преступления. Проверяются все версии, в том числе и по партийной линии. Пока все.

– Быстрее, Круглов, разворачивайтесь. Вчера интересовался ходом расследования мэра. А сегодня меня уже почти уволили. Да и сами понимаете, сейчас не соберем информацию – потом только на авось... Что по Ислентьеву?

Оперуполномоченный Виктор Кокорников доложил по убийству предпринимателя. Рассказал, что есть обнадеживающие результаты, просто до селекторного не успели доложить. Версия одна, бытовая. Умер от резаной раны на шее. Предположительно от ножа. Нож не найден. За день до убийства у Ислентьева было выяснение отношений с женой на почве ревности: жена была им избита. У нее есть друг. С женой работают. Скорее всего, она будет давать показания в ближайшие дни. А вот друг ее исчез. Куда – выясняется.

– Кражи что?

– По кражам не было пока ничего. Однако по оперативной информации появилась надежда, что вещи, похожие на краденые, могут появиться на рынке в поселке Островном на следующей неделе.

Женщина из розыскного, оперуполномоченный лейтенант Антонина Бортникова, ждала своей минуты. Она, эта минута, неумолимо приближалась. Кошкин уже побагровел настолько, что в голову Бортниковой само пришло: надо вызывать врача, какое уж тут совещание... Но майор внешне держался как скала. Если бы не цвет лица, понять его состояние было бы невозможно. Что же может она сказать по пропавшим? Поступило три заявления: пропала молодая женщина тридцати с небольшим лет и двое мужчин, стариков, обоим за семьдесят. Все трое пропали примерно неделю назад. Есть некоторые общие моменты, которые заставляют обратить на себя внимание. Например, никто из пропавших не был бомжем, никто не связан с криминалом, никто не имел никаких особых богатств. Она – скромная служащая социальной защиты, старики – пенсионеры-работяги. Никто из пропавших не совершал сделок с недвижимостью или автотранспортом, не имел знакомых, которые были бы известны милиции, не вел такой образ жизни, что мог спровоцировать преступников. Более того, у стариков не было вообще близких в этом городе. Дети живут достаточно далеко. А, может быть, это как раз и удобно для их похитителей? Они (те, кто похитил) и могли сделать именно такой выбор. Только зачем? А вот зачем: у дедуль, хоть далеко, но есть богатые родственники, те же дети или кто-то еще. И цель похищения – вымогательство денег у родни. Женщина, правда, дело другое. Детдомовская, имевшая мужа и двоих детей, но потерявшая их в автокатастрофе, она вообще осталась одна на белом свете. Здесь надо разбираться отдельно... Хотя и дети стариков, по имеющимся у оперативников сведениям, вряд ли могут быть состоятельными людьми, а другие родственники пока не установлены. Значит, версии о возможном убийстве с намерением завладеть имуществом, расправе или похищении с целью вымогательства, на первый взгляд, исключаются у всех троих. Это тоже результат, если двигаться методом исключения. Но и других версий тоже ведь нет... Потому что нет предположения о мотиве. Нет мотива – нет ничего. Бортникова с тоской посмотрела в окно. Пожелтевшие деревья напротив будто замерли от предчувствия расправы над ней самой. Вот эта расправа была совсем реальна. А, может, им, этим деревьям, как и всему вокруг, глубоко на нее наплевать? Это еще обиднее.

Еще мгновение, другое, и она, хотя плохо слушала доклад коллег, почувствовала возникшую паузу и теплый, даже жаркий взгляд начальника на своих плечах. Именно на плечах. На погонах. На молодых звездочках. Пора вставать...

* * *

Дымов ничего не забыл. Он считал себя униженным странным поведением незнакомца и хотел еще раз «поговорить» с ним. Через три дня после встречи с этим так называемым психологом он, директор частного юридического агентства, объявил коллегам о краткосрочном отпуске и решил все же посетить Новодворьевскую, 15. Кирилл не осознавал ясно, что собирается делать, так ли уж нужно ему бить этого наверняка нездорового человека, но решение принял, и менять не собирался. Перед уходом позвонил врачу-психиатру, своему давнему другу и соседу по школьной парте Сергею Волошину:

– Серега, тебе твои клиенты никогда не предлагали устроить встречу с родными на том свете?

– Ну и?

– Чего «ну и»? Предлагали или нет?

– Нет, такого не было. А вот на планету Рыжей Обезьяны слетать предлагали по сходной цене.

– Ну и?

– Чего «ну и»?

– Полетел или нет?

– Отказался.

– Почему?

– Слишком дорого запросили.

– Конечно, ты даже ради большого дела гроша ломаного не дашь, я ж тебя знаю. Слушай, а как протекает шизофрения? Вот шизофреник может рассуждать логично?

– Еще как.

– А психологом он может работать?

– Даже Папой Римским. А особенно – психиатром. Он уже знаком с этой профессией. Или санитаром. Что ты привязался ко мне с идиотскими вопросами?

– Да понимаешь, встретил тут одного... на кладбище, у могилы жены. Предлагал мне пообщаться с ней. Говорит – жива. Адрес свой назвал и профессию. Психолог, между прочим. Почти коллега твой. Улица Новодворьевская, 15 тебе ни о чем не говорит? Может, это психиатрическая клиника? А то я б не удивился.

– По такому адресу клиники у нас в городе нет. Может, какой-нибудь «болезный» в частном секторе живет, наш пациент. Например, после ремиссии у него снова обострение. Хорошо, если не буйный.

– Не говори, дурацкая ситуация, вручил мне даже свою визитку. Написано «психолог Аркадий Липовецкий».

– А что он там делал, на кладбище?

– За мной наблюдал.

– У-у..., старик, это типичный шизофреник. Изобретательный, правда. Да они все артисты. Как-то меня на дежурстве два психа остановили и удостоверение, раскрашенное цветными карандашами, – прям в лицо. Вы, говорят, задержаны! В удостоверении у одного читаю «Глеб Жеглов», а у другого «Володя Шарапов». Так что сочувствую. Тебе в отпуск надо, отдохни. Хочешь, съездим куда-нибудь? Я тоже возьму. Пошло все к чертям! Кир, ты слышишь меня?

Дымов не дослушал, машинально положил трубку, пораженный собственной догадкой. Зачем ему все же хотелось выслушать психолога?! В подсознании жила непонятная, сумасшед-

шая... (как бы обозначить это чувство) наверно, все-таки надежда. На что? Неизвестно. Бред. Но она была, эта маленькая вера в чудо. И сейчас на самом деле он, скорее всего, не хотел убеждаться ни в злом умысле, ни в сумасшествии того странного человека. Тогда в чем же он, Дымов, хочет убедиться? В чем он вообще может убедиться?

Искать Новодворьевскую, 15 пришлось достаточно долго. Эта улица находилась в самом старом районе города и состояла из таких же старых купеческих домов, каждый из которых наверняка был построен еще в девятнадцатом веке и по праву мог бы иметь статус исторического, архитектурного памятника. Однако ни на одном из них не было соответствующей вывески. Администрация и жители города Рудного, видимо, пока решали другие проблемы.

Новодворьевская, 15 – это последний двухэтажный дом на короткой (всего восемь домов) улице и настоящая окраина города. За домом просто начиналось поле с небольшими перелесками до самого горизонта уже без единого строения. Но сам дом номер пятнадцать очень отличался от прочих на этой улице, прежде всего свежестью и красотой. Все, в том числе и кирпич, было аккуратно выкрашено. Светло-зеленые деревянные резные ставенки очень свежо смотрелись на фоне светло-коричневых стен. Каждый завиток узора на них был тщательно выполнен. Кровельное железо (скорее всего с оцинковкой) на крыше добротнo блестело серебром: аж глазу было больно даже при таком слабом, едва пробивавшемся сквозь сплошное полотно туч солнечном свете. Дымов отметил массивность и высоту кирпичной ограды, за которой был полностью скрыт весь первый этаж особняка. В мощные железные ворота, как решил Кирилл, было вмонтировано устройство, похожее на домофон. Все это вместе создавало странное впечатление: дом напоминал жилище современных цыганских наркобаронов с кое-какими, неведь откуда взявшимися, эстетическими пристрастиями русского купечества.

Кирилл не относился к числу тех людей, которые, видя чужую устроенность и пряча чувство зависти, начинали раздражаться, жаловаться на судьбу, ругать «этих новых русских» или обязательно искать какой-нибудь изъян: ну и что, что добротнo, зато смотри, это же безвкусица сплошная! Он спокойно признавал: да, это красиво, да, наверняка хозяева – воры, а, может, и похуже. Такие деньги законно не заработать никогда, даже если умереть на работе. Но все же, любуясь этой воплощенной в реальность мечтой, он искренне радовался, что есть люди, которые, в принципе, смогли «что-то реализовать». Да, он, как адвокат, хорошо знал их характер. Далеко не всегда худшие из худших, не лишённые многих талантов и способностей, они упорны и последовательны в достижении цели, бесстрашны в действии и сознательно готовы все поставить на карту ради больших возможностей, не жалея ни чужой, ни своей жизни. Они в равной степени достойны и больших денег, и долгой тюрьмы, и быстрой смерти. Дымов вспомнил еще об одной категории «борцов» за достаток на халяву, которые могли бы быть владельцами такого вот дома. Например, некто уговаривает богатого родственника дать ему заем, потом, как ребенок, наслаждается жизнью, забыв о долге или не желая вспоминать. Но вот настала пора возвращать деньги, а поскольку взять их неоткуда и надо отдавать уже приобретенное на них, становится мучительно, до слез жаль себя. Он прячет имущество, переводя его на свою супругу, дочь, зятя, у двери квартиры устанавливает телекамеру, не подходит к телефону, пишет многочисленные жалобы о преследовании и угрозах в свой адрес, распаляя собственную богатую фантазию. Он надеется, что его когда-нибудь оставят в покое и «его» имущество тоже. Кирилл однажды видел, как отчаявшийся кредитор вот такого должника, получив очередное пустое обещание о возврате долга, молча снял с того очки в золотой оправе и раздавил каблуком. Больше у кредитора аргументов не осталось, ведь российский закон должника любит: долгой тюрьмы в современной России нет и, наверно, не будет никогда. Потому что, как сказал один известный юморист, «если мы и испытываем оргазм, то исключительно только во время воровства». Можно ли порадоваться за вот такого «богатого»? А почему бы и нет? И порадоваться, и осудить, и ...пожалеть.

Кирилл нашел на воротах, слева от двери, звонок, нажал на кнопку. Электронный голос попросил его представиться. «Дымов к Липовецкому», – коротко, с некоторым напряжением в голосе отрекомендовался он. Дверь автоматически открылась, и Дымов пересек небольшой двор, напоминающий почти сплошную клумбу из полевых цветов, вошел в незапертую дверь дома.

Дальше был коридор с приглушенным освещением маленьких изящных ламп, вмонтированных в потолочное покрытие. Стены были отделаны панелями из красного дерева, вдоль коридора на всем протяжении – любопытные картины с изображением завораживающего глаз серебряного или золотого света: то в конце мрачноватого, темного туннеля, то на звездном небе. Кирилл остановился: свет манил и радовал, на него хотелось смотреть. «Психотерапия...» – подумал он.

Двери были только в конце коридора. Две, одна напротив другой. На них значилось: «Липовецкий Аркадий Петрович, психолог» и «Кроткий Антон Нилович, кандидат психологических наук». Дымов смутился. Он не мог поверить своим глазам: здесь, видимо, сидели серьезные люди! Как все это расценивать?

Он заглянул в дверь Липовецкого. В кабинете небольшого размера никого не было. Здесь соблюдались все атрибуты современного рабочего места. Компьютер, оргтехника, набор отличных канцелярских принадлежностей, на полке небольшая картотека по алфавиту. Все здесь было белым-бело, рационально и чисто. И никого...

Другое дело, когда он вошел к Кроткому. Антон Нилович встретил его, сидя за столом напротив двери в белом халате с трубкой во рту. В отличие от стерильности кабинета Липовецкого здесь витали клубы табачного дыма, на столах пачками были свалены кипы каких-то бумаг, присыпанных пеплом. И никакой белизны уже не было. Все было в темных тонах. Комната представляла собой рабочий кабинет какого-нибудь средневекового ученого, древняя черная мебель наверняка являлась антиквариатом, имеющим музейную ценность. Дымов больше ничего не успел разглядеть, потому что Кроткий смотрел прямо на него, и нужно было начинать разговор:

– Кроткий Антон Нилович. Чем обязан?

– Дымов. Видите ли, три дня назад я был на кладбище, посетил могилу жены...

Кирилл с неудовольствием подумал, что агрессивный запал куда-то исчез. Убранство дома, авторитет этих вывесок, массивная фигура Кроткого – седого льва, напоминающего внешностью режиссера Сергея Бондарчука в почтенном возрасте, – все это смутило его. Теперь, будто забыв о нанесенном ему оскорблении, он думал только о нелепости своего прихода. Что он скажет этому человеку? Как его коллега предложил ему встретиться с умершей женой? А он что, теперь пришел обсудить детали предложения? Чуть. Но... Кирилл напомнил себе о том, что пришел-то он к Липовецкому и именно ему хочет задать эти самые вопросы. Он снова завелся:

– Там, на кладбище, я уж не знаю с какой целью, оказался рядом ваш коллега, Липовецкий. У нас с ним состоялся очень неприятный для меня разговор. И сейчас я бы хотел выяснить у него кое-что. Он здесь вообще?

– Посидите минуту.

Кроткий взял со стола телефон и вышел в коридор, зашагал дальше, потом все стихло. Похоже, что он решил позвонить с улицы. «Не хочет, чтобы я слышал разговор?» – предположил Кирилл.

Теперь можно было разглядеть и рабочее место Кроткого. Дымов обнаружил (а он увлекался антиквариатом), что мебель здесь уникальна. Не говоря о некоторых просто прелюбопытных вещах. В дальнем углу комнаты был приставлен к стене огромный якорь от старинного корабля XV – XVI века, такой же массивный, бронзовый, с прозеленью местами сундук, а на стене висела старинная карта на испанском языке. Но более всего Кирилла поразил лежав-

ший на столе настоящий средневековый корабельный компас. Такой компас, да еще в первоначальном состоянии, был просто бесценен. Кроме того, Дымов увидел много таких вещей, назначение которых он не знал. Компьютер и принтер на столе Антона Ниловича терялись среди этого великолепия таинственности. Однако в коридоре опять раздался тяжелый, слегка шаркающий звук шагов Кроткого. Он вошел и, бросив телефон на стол, стал раскуривать погасшую трубку.

– К сожалению, Аркадий Петрович подойти не сможет сегодня. У него дела в городе. Приходите завтра.

Однако Кирилл уже настроился продолжить разговор.

– В таком случае я хочу поговорить с вами. У меня нет времени приезжать сюда каждый день. Видите ли, ваш Липовецкий – странный человек. Он предложил организовать мне встречу, так сказать, с моей умершей супругой. В суд я подать на него, к сожалению, не могу – мы говорили без свидетелей, поэтому просто желаю набить ему лицо. Передайте, пожалуйста, что это мое твердое намерение, которое я обязательно осуществляю.

– Передам, конечно, – просто, без эмоций ответил Кроткий. – Я представляю, какой вы испытали шок и возмущение. Но... все, что он сказал вам – сущая правда.

В этот момент он испытывающе посмотрел в глаза Дымову и после короткой паузы продолжил:

– Я готов подтвердить это тысячу раз, если только вы не потащите меня в милицию или психиатрическую больницу.

– Как это понимать?

– Я поясню сейчас.

Кроткий по-прежнему говорил бесстрастно, через массивные линзы очков невозможно было разглядеть выражение его глаз. Все это, как и мощная фигура, уверенная речь, мягкий тембр голоса придавало его облику особую магию авторитетности. На издевательство это никак не было похоже.

– Ситуация, мягко говоря, необычна, но, господин Дымов, постарайтесь успокоиться. Разговор у нас, если вы, конечно, захотите его, будет непростой. Мой коллега вас удивил, но стали бы вы его слушать, начини он постепенно, деликатно, издалека? Ведь прогнали бы и ничего не успели понять, не успели бы даже заинтересоваться. А сейчас пришли поскандалить. Конечно. А как иначе? Но ведь пришли! Потому что он задел вас за живое. В ином случае вряд ли решили бы нас искать, верно?

– Считаю такую методику достижения результата в общении с человеком очень спорной, – ехидно возразил Дымов.

– Может быть. Но и обстоятельства бывают разными. Всегда ли мы знаем, как себя вести, если приходится решать задачи, которые еще никто и никогда до нас не решал?

– Хорошо, ну а если представить, что я готов вас выслушать?

– Тогда кое-что расскажу вам в порядке предварительной информации, и мы расстанемся, чтобы дать Вам время на размышление. Если вы вернетесь с готовностью общаться дальше – будем общаться, но хочу предупредить: после второго разговора мы приступим к работе сразу же, и выпустить вас отсюда я уже не смогу. Поймите, я максимально откровенен, но, передав конфиденциальную, и не просто конфиденциальную – уникальную информацию, я не уверен, что вы с кем-нибудь не поделитесь. И тогда все мои усилия рухнут. Время говорить об этом публично еще не пришло не только в России, но и во всем мире, понимаете?

– О чем «об этом»? Какая работа?

– Вы хотите встретиться с вашей супругой? Живой?

– Давайте пока не будем... Почему же вы готовы отпустить меня подумать после первой беседы?

Дымов все спрашивал, все не скандалил, все не уходил: это было странно ему самому.

– Господин Дымов, я не собираюсь никого похищать. У нас будет самый настоящий научный эксперимент, отношения основаны на контракте. Вы должны решиться в принципе, потому что это важно для вашего настроения, то есть для качества эксперимента, а не только для решения юридических формальностей. С другой стороны, первый разговор будет воспринят вами только как версия: никакой практической информации вы еще не получите. Если предположить, что вы все же начнете активно распространять и эти сведения, то сразу заявляю: я отрекусь от того, что говорил, полностью, до единого слова. Ваше же поведение, поверьте, будет расценено как бред на почве депрессии. Все ваши близкие и коллеги знают, в каком состоянии вы сейчас находитесь. Я, как специалист, к тому же дам необходимые медицинские разъяснения. И еще прошу об одном, просто умоляю: если не пожелаете сотрудничать с нами, не мешайте, ради бога. У меня нет времени посещать суды, следователей и прокуроров, читать пасквилы в прессе и отбиваться от общественности.

– А если я это сделаю? Может, то, что вы мне предложите, я посчитаю опасным?

– Нет, не посчитаете, но вы спросили – я отвечаю: в этом случае все закончится для вас психиатрической больницей, из которой никто и никогда вас не вытащит. Я не угрожаю, поймите, я защищаюсь. В случае вашего несогласия участвовать в эксперименте после сегодняшней беседы – мы друг друга просто не знаем. Но... уверяю вас, о согласии своим вы наверняка не пожалеете.

– Если останусь жив.

– Да, риск погибнуть ничтожный, но есть. Однако сейчас, в вашем нынешнем состоянии вы рискуете умереть гораздо больше.

– Какая осведомленность о моем состоянии...

– Да, мы постарались и знаем о вас много. Но, ей богу, первое знакомство произошло случайно. Не на кладбище, конечно. Намного раньше. Расскажу об этом когда-нибудь потом. Главное, это тот факт, что вы попали в беду, ваше стремление последовать за любимым человеком сильнее желания жить, а, значит, вы не боитесь риска лишиться физической жизни, вы относительно молоды, и вы, таким образом, идеальный участник эксперимента! Вот так.

Кроткий помолчал, отложил потухшую трубку в пепельницу:

– В отношении безопасности сообщаю: у нас лучшие в мире специалисты, лучшее в мире оборудование, вы подвергнетесь медицинскому обследованию по последним технологиям. Противопоказания у нас всего два – психические и сердечно-сосудистые заболевания. Вас основательно протестируют в нашей клинике. Поймите главное: вы нужны нам не для того, чтобы, лишив вас физической жизни, получить результат на приборах. Вы должны выжить, быть здоровым, вы должны кое-что рассказать. Приборы, как бы совершенны они не были, не могут дать необходимых свидетельств. Соединение этих составляющих – вот результат. Неужели, я похож на маньяка?

– Абсолютно, – усмехнулся Дымов.

И после некоторой паузы спросил:

– У вас есть кофе?

– Еще бы! Маньяк уговаривает жертву и не имеет при этом кофе. Было бы опрометчиво. Кроткий достал банку кофе и включил чайник.

* * *

Антон Кроткий родился в Омске в сорок восьмом. Отец его ушел из семьи, когда ему было чуть больше двух. Отец не любил детей и не мог долго выдерживать пеленки, детские неожиданности, бессонные ночи. Помогать семье не стал. Но и жена ничего не требовала. Наверно, потому что Нил умел говорить с женщинами и убеждать их. Важное качество. Всю войну он протрундился на «фронте снабжения». За время войны это была его четвертая остав-

ленная семья, третий брошенный ребенок. Но женщины любили его по-прежнему чистой любовью, ни в чем не упрекая. Потому что вечный странник Нил знал о них нечто такое, чего не знали многие другие мужчины.

Мать воспитывала Антона всю жизнь одна. После развода он не помнит появления в доме ни одного мужчины, хотя бы мимоходом. Зато между матерью и сыном установились отношения редкой доверительности. В общении она была удивительно демократична, умела говорить с ребенком на его языке, но не в буквальном смысле, не опускаясь, например, до молодежного жаргона, а так, что ему хотелось поделиться с ней сокровенным, не стыдясь. Попросить у нее совета. У них не было того, что почти всегда бывает между родителями и детьми – возрастной дистанции. Может, потому что мать жила свободно и никогда не подчеркивала свое материнское начало, не демонстрировала жертвенности. Она сделала себя сама, став хорошим бухгалтером, очень много работала, и далеко не всегда могла быть с сыном достаточно долго; в свободное время любила кататься на коньках, красиво танцевала (это отмечал даже Антон), любила послушать ресторанный шансон, виртуозно играла в бильярд и покер. Но это не меняло их взаимоотношений, потому что она умудрялась при этом знать всех друзей и подруг сына, не явно, но участвуя в каждом прожитом его дне. Не опекая Антона, она возникала и вмешивалась в самые переломные, важные для него моменты, давая удивительно точные рекомендации, помогавшие Антону принять в конце концов правильное решение. Он же учитывал ее советы, потому что верил ей.

Мама умерла, когда ему было всего двадцать три. Он окончил медицинский институт, факультет психологии, но состояние у будущего психолога было таким, что ему самому требовался психолог – от отчаяния он начал пить. Какой смысл жить, если смерть беспощадно уничтожает все самое лучшее и дорогое? Она неизбежно рано или поздно выходит победителем над жизнью, как наверняка настигнет лев беспомощную лань в вольере, когда той просто некуда бежать. Он возненавидел смерть, но эта ненависть подтолкнула его, как психолога, может быть, к нестандартному, но вполне профессиональному решению – заставила отказаться от алкоголя и взяться за работу. Антон решил изучать смерть, занялся биологией, отчасти химией и физикой. Тема его кандидатской диссертации называлась «Психологические аспекты процесса умирания». Защитил он ее в тридцать лет. Докторскую ему защитить не дали, хотя материалов было уже на две. Работая преподавателем на кафедре психологии в медицинском институте в Ленинграде, Антон проводил исследования тайно, ни с кем особо не делаясь и лишь опираясь на научные журналы, где он отслеживал движение научных достижений и мысленно вел заочную полемику. Скоро к руководству института стали поступать сведения, что Кроткий выходит за пределы вопросов психологии и увлекается на самом деле какой-то «хиромантией». Его не исключили из партии, просто распекали на партсобрании за отход от материализма, потому что не хватило информации: скрытность Антона спасла, да и время было уже не то (восемьдесят седьмой год): перестройка, гласность, демократия, повальные увлечения от религии до оккультизма. Какой уж там материализм, если Алану Чумаку верили больше, чем Горбачеву!

В результате с возрастом Антон выработал определенные убеждения, которые базировались на его личном опыте работы и жизни. Ему запомнился случай, когда мальчишкой лет семи он купил с рук билет на фильм, который мечтал посмотреть. Народу набежало тьма, и достать билеты было непросто, а фильм шел всего день. Антон отдал деньги, даже не взглянув на билет, увидев только, что полоса контроля была на месте. Однако оказалось, что билет неправильный. Антон даже не сразу понял, что произошло, когда контролер без объяснения схватила его за шиворот и вытолкнула из кинотеатра. Оказывается, билет был приобретен на уже прошедший сеанс и не в этом кинотеатре. Они тогда были так похожи, эти маленькие штамповки на голубоватой бумажке. Он плакал от обиды по пути домой, но, может быть, в силу этого случая впервые близко познакомился с ложью в жизни и через много лет уже в профессиональной

деятельности установил принцип: версия становится научной истиной, когда подтверждается проверкой. Не доверяй, пока не проверишь: не проверенное есть только фантазия, рожденная воображением.

Он не понимал, как может стать наукой то или иное учение, если оно не может быть доказано очевидно на уровне, воспринимаемом органами чувств человека непосредственно или через созданные им приборы. Может ли считаться научной концепция, построенная на голых умозаклчениях ее создателя? Например, та или иная философия? В лучшем случае рассуждения философа подкреплялись лишь формальными логическими построениями. А религия? Кто сказал, что явление и учение Христа – это то, что записано в Библии, куда вошли воспоминания нескольких свидетелей: Луки, Матвея, Петра и прочих обычных людей, вложивших в написанное свое видение событий, свой характер, свои взгляды, возможно где-то порядком подзабывших и насочинявших, что там на самом деле говорил и делал Христос.

Вот так рождаются мифы, считал он. А затем, овладев сознанием определенного количества людей, претендуют называться учением, религией, даже наукой. Разве миф не воспринимается как наука сознанием ученика? Таким образом, человечество живет в плену им самим придуманных мистификаций, ничего не имеющих общего с реальностью. На этих мифах создаются учебные заведения, обычаи и законы, государства и правители, политические партии и профессии, религии и конфессии, целые епархии со служителями, институты с профессорами, рекой текут и перераспределяются деньги, появляются новые приходы и отправляются обряды, воюют за влияние конфессии, молятся и внимают безоглядно верующие. Но самым тревожным в основе всего этого разнообразия является самообман получения истинного знания. На самом деле часто учат те, кто точно сам не знает предмета изучения и утверждает то, чего в природе и не существует.

Антон поставил версию в подчиненное от эксперимента положение на уровень более низкий по значимости. Если нет результата у эксперимента – версия не имеет права на жизнь. Часто в споре друзья и коллеги напоминали ему, что многие предположения стали потом научными истинами. Он отвечал: да, потом стали. Но до подтверждения к ним следовало относиться так же, как к высказываниям юродивого на ярмарке. Если высказал суждение – не учи, а докажи. Только так человечество сможет познавать мир, не отвлекаясь на иллюзии.

Еще Антон постепенно пришел к отрицанию существующей этики. Именно учение об этике, или ложной этике, он считал одним из вреднейших порождений философии и религии, в которых он не видел, кстати, принципиальной разницы. Этические нормы, основанные зачастую на мифах, мешают развиваться экспериментальной науке, а, значит, мешают выяснению истины. Если затруднена дорога к истине – не добраться и до истинной морали. Он пришел к убеждению, что этика философии и религии стала орудием в умах корыстных бездельников, желающих по-прежнему зарабатывать на бездоказательных мифах. Отсюда вывод: морален тот эксперимент, который даст истинный результат, то есть истинное знание. Потом, только потом можно будет судить, что нравственно, а что нет. Сначала – эксперимент, который нельзя останавливать, как необходимый вектор движения к истине. Только истина предполагает какую-либо мораль. Ложь не может быть моральной в любом случае, потому что не побуждает к правильному действию.

«Узнавая о смерти, я узнаю больше о жизни», – думал он. А вдруг ему повезет, и за страшной картиной физического разложения ему удастся разглядеть новые горизонты превращения сознания?

Было у Антона еще одно сумасшедшее желание, которое существовало где-то на подсознательном уровне (он не мог открыто признаться в этом даже самому себе): дело в том, что в его судьбе, уж так сложилось, не было важнее и любимей человека, чем его мать, и он мечтал соединиться с ней навсегда. В душе он жил собственным мифом, в который, правда, хотел не просто верить, а превратить его в доказанную физическую реальность.

* * *

Телефон оторвал Бортникову от невеселых размышлений по поводу полученного выговора. Звонил Славик Егоров, молодой практикант из Волгоградской школы милиции, – единственный мужчина в ее отделе, состоящем из пяти человек, включая ее саму, как начальника. Егоров звонил из автомата, и его было плохо слышно. Он гундосил, будто говорил в бочку:

– Антонина Петровна, я встретился с соседями пропавшей женщины, ну, этой, Никитиной, съездил в дом престарелых, где были старики. Какая-то странная картина получается: и соседи Никитиной, и работники дома престарелых утверждают, что наши пропавшие не хотели жить.

– Чего не хотели?

– Жить, говорю, не хотели жить! Никитина заявляла одной из соседок о желании свести счеты с жизнью, и та всерьез опасалась за нее.

– Куда ж самоубийцы свои тела-то девали?

– Не знаю, слишком уж удивительно: все трое, почти в одно время, как по команде. И ни следа. Такого в жизни-то не бывает.

– В жизни бывает, Слава, чего и быть не может.

– Да! Тут еще один любопытный нюансик есть. Может, и ниточка-веревочка. Перед исчезновением все трое встречались, похоже, с одним и тем же человеком.

– Да ты что? Совпадают приметы?

– Совпадают. Высокий, брюнет. Волосы длинные, перехваченные в хвост. Типа художник такой. Серьга в ухе. В общем, запоминающиеся приметы. Вернусь – расскажу подробнее.

– И своих свидетелей давай сюда. Будем писать портрет «художника». Хотя волосы – это, Славик, преходящее, как любовь. Сегодня шевелюра в косичку, а завтра – лысая голова.

* * *

За окном особняка потемнело. Собирался редкий, но затяжной нудный дождь. Кроткий и Дымов потянулись к кофе. Антон Нилович при этом все поглядывал на какую-то телеграмму, лежавшую у него на столе. Потом, видимо, заметив заинтересованный взгляд Дымова, отложил ее в сторону, спрятал под стопку бумаг и начал рассказывать:

– Ни для кого не секрет, что львиную долю информации человек, как и все животные, получает в первые годы жизни. При этом у малыша на обработку информации тратится колоссальное количество энергии и времени. Для того, чтобы восстановить энергию, ребенок часто и много спит. Именно в этот период больших открытий все события особенно запоминаются, а время течет для него медленно. После двадцати пяти – тридцати лет кажется, что время начинает набирать скорость...

– Это же естественно, – сказал Дымов. – После двадцати у большинства появляется семья, дети, проблемы.

– Допустим. Но ведь и старики подтверждают, что время буквально летит. У них-то какие заботы после шестидесяти пяти? Некоторые днями сидят без движения у окна. Поэтому делаю предположение: человек – существо не только биологическое, но и информационное. Главным образом информационное. Он и компьютер, действующий по данной ему программе, и программа, и сам программист, создающий новое информационное поле. Но он производное и часть одной глобальной программы космического сознания – Бога, если хотите. Энергию мы восполняем из космоса. Например, в период подзарядки, когда отдыхаем ночью. Мы по образу и подобию «его» учимся создавать из информации пока виртуальный мир, а «он», как глобальный реактор энергии и информации, умеет создавать реальный. Мы работаем для

совершенствования «его» космического сознания. После смерти повторяющаяся бесполезная информация уничтожается, а вот алмазы нашего творчества... Алмазы остаются в фонде для дальнейшего преобразования Вселенной и развития сознания. Для «него» нравственно только то, что способствует развитию. Все остальное есть зло. Кстати, поиграйте на досуге, наложите этот принцип определения добра и зла, как кальку, на человеческие этические нормы, определяющие злое и доброе, и будете очень удивлены. Совпадение произойдет далеко не во всех случаях.

– Как же, по-вашему, зародилась жизнь на планете. По чьей-то программе?

– Думаю, да. Информация или энергия, или геном, как хотите, растворилась в водной среде. А вода, теперь это уже ясно, – идеальный хранитель и накопитель информации. В океане были белки, аминокислоты – многое, что необходимо для развития. В дальнейшем информация или геном, чтобы выжить, создает вокруг себя белковые структуры, которые совершенствуются, приспосабливаясь к среде, от простейших форм до человека. Об этой версии, между прочим, начинают писать и в серьезной литературе. Но я вернусь немного назад. Итак, человек – существо информационное, он стремится к получению и обработке новой информации. Но, увы, в старшем возрасте он получает только то, что в его опыте уже происходило так или иначе. Информация отбрасывается разочарованным сознанием, подавая сигнал: это уже было, это не интересно, это не полезно. Сознание не тратит на обработку вторичной информации дополнительной энергии и времени. И человек, как в поезде, когда едет по давно известному маршруту, начинает ощущать ускорение движения времени. Не удивляющая больше жизнь начинает стремительный бег. Куда? К смерти, конечно. Но дело здесь даже не в том, что мы ощущаем к старости время быстрее: в конце концов, объективно-то его течение остается прежним. Человеку для жизни требуется примерно 10 бит информации. Никто не знает, каков наш средний информационный предел в целом. Резервы у нас, судя по всему, огромны – мозг задействован только на пять процентов. Но эти планетные условия, земное человеческое сообщество не могут дать индивиду больше того, что он может здесь иметь. Снег, песок, жара, холод, суша, вода, видимое нами небо, растения, животный мир, пища, наши человеческие контакты между собой и с природой, наши чувства – все, так или иначе, в нашей жизни повторяется многократно. Мы не получаем новой информации и энергетически угащаем. И наш программист об этом знает. Он понимает, что информационное пространство наше ограничено, и Земля после в среднем ста лет информационного существования человека больше не может быть ему информационным домом. Посмотрите, никто ведь не может жить долго, находясь в тюрьме или на необитаемом острове, где все вокруг не меняется каждый день. А если планетарное пространство становится той самой тюрьмой сознания? Возможно, сам срок нашей земной жизни обусловлен не столько биологической составляющей, сколько информационной, и органы человека могут существовать так мало – всего около ста лет – именно потому, что рассчитаны на наш информационный предел. Зачем создавать их более долговечными? Какой смысл? Ну, представим себе, что они были бы рассчитаны на жизнь продолжительностью семьсот, восемьсот, тысячу лет. И что? Человек сошел бы с ума, потому что не имел возможности развиваться. В мире, где он уже по большому счету ничего получить не может, он ждал бы конца, как избавления. И нашел его гораздо раньше, даже биологически еще здоровым. Ведь и сегодня не так уж редки случаи, когда люди (относительно здоровые) умирают от тоски, от отрицательных эмоций, равнодушия. От того, что психологи называют депрессией. Каков же вывод? Стремление человека к продлению биологической жизни на Земле бессмысленно. Единственный способ для него продлить жизнь – это не только победа над болезнями, это информационное обновление, творчество. Человечеству необходим прорыв к новым знаниям и впечатлениям. Мы в старости – как глубокая старая шахта. Раньше алмазы информации валялись под ногами, теперь каждую свежую мысль приходится добывать с огромным трудом из глубин собственного сознания. Иначе человек начинает спиваться, употреблять другие

наркотики, желая уйти от скучного однообразия, как длящегося стресса, и путем изменения сознания получить новые впечатления.

– Но спивается-то, в основном, молодежь, – возразил Дымов.

– Да, но заметьте, молодежь – это самые любопытные. А что может предложить им общество? Но мы, слава Богу, не созданы не со скуки, не для скуки. Отбросив белковую капсулу... ну тело после физической смерти, информация о человеке, то есть то, что собственно определяет его, как такового, устремляется в новые формы существования – в другие частотные измерения или энергетические слои, где его информационная эволюция продолжится дальше. Если бы человечество получило знание о своем истинном предназначении, о смысле своего существования! Я убежден, что оно, это знание, изменило бы облик всей цивилизации. Каждый бы задумался о том, как он относится к своей и чужой жизни, и как это отношение отразится на эволюции его сознания.

– Вы действительно думаете, что бессмертие даст человечеству новые ценности? Никто не будет убивать, красть, предавать?

– Если человек знает, что у него долгий и сложный путь от причины к следствию, порождающему новую причину, и так далее, где все взаимосвязано, он не решится распорядиться своей жизнью бездарно.

– Не знаю, не знаю. Если сейчас люди единственную в их понимании жизнь кладут запросто, то бессмертие – это просто рай для бездельников.

– Речь не идет о бессмертии как вечной райской нирване. За каждый поступок – адекватный ответ судьбы, и сложный путь либо вверх, либо вниз по эволюционной лестнице. Кстати, уже научно доказано, что, когда человек умирает, он теряет в весе двенадцать граммов. Возможно, именно с этой массой и связана энергия-информация. Вы знаете, что такое спиритизм?

– Общение с душами умерших?

– В общем, верно. Только сейчас, с развитием технологий передачи информации, это называется техническая или инструментальная транскомуникация. Такое определение дал ученый-физик, профессор Зенковский из Германии, контактам с другими измерениями. В наши дни транскомуникация практикуется при использовании средств массовой коммуникации: радио, телевидения, телефона, компьютерной техники. Создана даже международная сеть электронной транскомуникации. Начали здесь японцы: они создали специальную аппаратуру по усилению звука и его структурной обработке с целью получить звуковые свидетельства контакта с другим измерением. Создали они и еще кое-что. Например, на компьютере они могут проследить движение энергетической субстанции после смерти человека и выдать этот материал на мониторе компьютера! С ушедшим миром можно будет общаться, как по телефону или по телевизору. Умершие будут покидать нас, как в другую страну уезжать. И не будет ни истерики, ни слез. Возможны даже взаимные посещения в гости. А Вам, как юристу, такая информация к размышлению: эти открытия позволят получить информацию о преступлении даже с «того света». В этом направлении первопроходцы – японцы, потому что первыми смогли создать высокоточную измерительную аппаратуру.

– И что же японцы узнали такого, о чем не знает весь мир?

– Зачем японцы? Уже знаем и мы. Тоже ведь не лыком... Помните историю Орфея и Эвридики? Орфей отправляется за любимой на тот свет. Сказка. А я вот потратил много лет на создание аппаратуры, которая действительно способна отправить на «тот свет» и вернуть оттуда. Она отслеживает отделение энергии или информационного поля от тела, передавая на компьютер необходимые сведения. В отличие от японцев, мы уже сейчас можем отслеживать движение информационного поля умершего в пределах (аж!) Солнечной системы в течение нескольких дней, а, может, и недель, получая все сведения о том, что с энергией происходит. Видите ли, тот мир кое в чем похож на этот. Но учтите: частота вибраций там больше. Частота мужского голоса, например, не тридцать-сорок, а тысяча-две тысячи герц. Все формы

менее проявлены, совсем другие цвета и звуки, другое течение времени. Завтра вы сами станете гостем этого мира и, надеюсь, встретите того, кого очень хотите встретить.

– Я же прошу, давайте пока об этом говорить не будем. Вы, что, ядом травить меня собираетесь?

– Нет, что вы, мы вызовем у вас состояние гипотермии нагнетанием холодного воздуха с помощью криогенного оборудования. Дыхание будет замедлено до такой частоты, что наступит клиническая или мнимая смерть. Потом по определенной методике постепенно выведем вас из этого состояния в течение недели. Уверяю, вы станете на порядок здоровее, чем были. О таком сеансе оздоровительной йоги можно только мечтать. Задача – все сделать аккуратно. А это мы умеем. Здесь, господин Дымов, как говорится, баста. Я больше не скажу ни слова. Все дальнейшие подробности узнаете после вашего принципиального согласия, зафиксированного в письменном контракте, или весь этот бред вам послышался в результате обострения депрессии. Договорились?

Дымов ушел, находясь в раздумье. Участвовать в этом, скорее всего, он не будет. Его задача, как подумал Кирилл, покидая кабинет Кроткого, сохранить себя, выдержать боль и жить нормальной обычной жизнью, забыв эти разговоры, действительно, как некий бред. Пусть эксперименты ставит на себе кто-нибудь другой.

Кроткий после ухода Дымова немедленно набрал номер телефона:

– Лаборатория? Коля, Липовецкого отправь ко мне.

Липовецкий приехал минут через тридцать. Поставил в углу влажный зонт и упал устало в кресло.

– Как я не люблю осень! Не по моему характеру.

– Ну, что, авантюрист несчастный, – Кроткий строго посмотрел на него в упор через припущенные на нос очки, сидя за столом и наливая Липовецкому кофе. – Приходил сейчас твой знакомый, господин Дымов, бить тебе лицо, как он интеллигентно выразился. На его месте я бы сказал резче. Как-то можно было без фокусов?

– Возможно. Только тогда он вряд ли бы пришел. Прагматик. С такими людьми нужны нестандартные ходы. Чем кончилось?

– Я изложил ему все по первому варианту. Ушел думать. Надеюсь не в милицию.

– Может, я с ним встречусь еще раз? Предъявлю ему свою физиономию, и пусть по ней лупит. Лишь бы согласился на эксперимент. Для науки ничего не жалко.

– Нет, все, что можно было наделать, ты уже наделал. Я-то, собственно, и не по этому поводу тебя вызвал, Аркадий. Погиб Канэто Осаму. В автокатастрофе. Да, представь себе. Вот телеграмма из Японии от Сайто. Кроткий извлек из стопы бумаг телеграмму и бросил ее на стол.

– Помнишь, когда мы были у японцев в восемьдесят девятом, Осаму рассказывал о предупреждении «посланцев смерти»? Это очень серьезно. Мы рискуем не закончить эксперименты, и никакая служба безопасности не защитит...

* * *

Дымову приснилось, что он летает. Но это был не сон детства, когда ты летишь во сне, и замирает, проваливается куда-то сердце. То сон роста – дело известное. В этом же сне главным был не полет, главным была мысль об умении летать. Он вдруг понял, что о воздухе можно, в принципе, опереться. А еще – надо верить в себя. Кирилл просто взбирался по воздуху, как по веревочной лестнице, и зависал на небольшой высоте, на уровне деревьев. Потом опускался вниз и горячо объяснял друзьям «методику», говорил как это просто. Нужно только попробовать. Он испытал неописуемый восторг от ощущения неограниченности своих возможностей.

«Как же я раньше-то не мог, не понимал, как же мы все не догадывались? Сколько потеряно времени зря...» – сокрушался он во сне.

В следующую ночь сон продолжился. Дымов уже проделывал путешествие по воздуху по ночному городу, что-то крича несусызное от радости парения в потоке воздуха над океаном огней. Он даже узнавал сверху очертания отдельных улиц. В отличие от первого сна, Дымов мог на высоте пятиэтажного дома, словно сидя в кресле, перемещаться, мог свободно зависать. А если подняться еще выше? А ну-ка! Кирилл усилием мысли направил себя выше и поплыл вверх. Нет, все же не решился – начал опускаться. Он не мог объяснить, как управляет движением, это знание было в нем заложено как бы само собой.

Третий сон был также логическим продолжением снов предыдущих. На этот раз Дымов решил подниматься до предела, насколько сумеет. Выше самого высокого дома в городе (шестнадцатиэтажки), выше антенны телецентра, выше, выше... Он почувствовал в себе бешеную энергию движения. Тело понесла вверх упругая сила, и так быстро, что он ахнул от страха: он умолял эту силу остановиться, но продолжал лететь стремительно вверх. И, вдруг, в какой-то момент понял простую вещь: он вовсе не Кирилл Дымов, а некий болид, стремительно уходящий по заданной траектории. Как-то очень быстро исчезли огни, и планета, спрятанная в ночной тени, выделилась по горизонтам. Затем, превратившись в едва заметную в тени голубоватую полусферу, стала уходить дальше и дальше. Теперь ему все равно. Он спокойно идет в фарватере этого движения, подчиняясь известному ему строгому порядку, не заботясь ни о чем, растворяясь без остатка в чем-то непознаваемом по мощи и беспредельности.

Риск – дело благородное

Кроткий и Липовецкий приняли решение срочно лететь к профессору Сайто, чтобы выяснить обстоятельства гибели биолога Канэто Осаму, а также посетить могилу этого человека. Он много лет занимался той же темой, был во многом учителем Кроткого. Знакомство Кроткого, Канэто и Сайто состоялось на одном из научных симпозиумов по транскоммуникации в Женеве в восемьдесят девятом, где Кроткий сделал доклад, заинтересовавший участников. Услышав выступление Кроткого, японцы подошли в перерыве к нему и выразили желание поговорить неофициально. Потом знакомство перешло в постоянное общение.

Профессор Сайто жил в окрестностях Киото в небольшом доме. Между прочим, здесь, как и в Рудном, тоже шел дождь, казалось, он шел на всем белом свете... Приезд их пришелся на позднее время, но Сайто не спал, провел их в дальнюю комнату, зажег настольную лампу, сам приготовил чай. Низенький, в домашнем халате, он мало напоминал ученого мужа. Выражение лица японца было скорбным, а на неподвижном, морщинистом лице лежала усталость прошедших дней, которые дались, видимо, ему нелегко.

Кроткий сразу перешел к главному:

– Сайто—сан, Вы предупреждали Канэто Осаму о каких-то возможных последствиях этой работы. Почему?

– Вы знаете, Антон, я давно занимаюсь изучением потусторонних сил, и у меня есть факты, говорящие о том, что это небезопасно. Есть некоторые энергетические сущности, населяющие другие измерения, а, может, находящиеся между измерениями и корректирующие определенный порядок, которые могут жестоко наказать желающих проникнуть в другие частоты. Считаю, что именно так погиб не только Канэто Осаму, но и до него эксперт по экстрасенсорике Набуки Синдзи. Я прекратил исследования год назад, хочу заняться внуками на старости, в общем, еще пожить хочу, Антон. Борьба за научные истины и желание заглянуть за черту – это больше не моя судьба. Я не сомневаюсь, коллеги, что «посланцы смерти» беспощадны. Точнее сказать, они очень последовательны в выполнении своей программы. Думаю, что их задача – уничтожение информации, несущей негативную энергию в тонкий мир. Иначе, якобы, нарушится какой-то им известный баланс или гармония в природе. Когда Осаму увидел на экране компьютера этих сущностей, приходивших, как черные тени, за теми умирающими, кто, как он заметил, совершал в жизни дурные поступки, между Осаму, наблюдавшим происходящее на мониторе, и этими сущностями возник контакт. Сначала визуальный. Ему было показано руками или изображением этих рук – уж не знаю, можно ли их называть руками – запрещающее перекрестие, вот так (Сайто перекрестил руки на уровне лица), как рабочий дает команду о прекращении работы тому, кто работает на механизме. Так было два раза, но в обоих случаях, когда приходили именно черные тени, а не тени близких. Когда приходили близкие, все протекало гладко, и на Осаму никто не обращал внимания. Потом, в третий раз, во время эксперимента, этот «посланец смерти» вот так, с укоризной (Сайто показал как), медленным покачиванием головы дал понять, что «нет, надо заканчивать». Я тогда помогал Осаму и был свидетелем всего этого. Знаете, я содрогнулся от страха, глядя на эту тень. Лица у него не было. Я просто был раздавлен страхом. Казалось, что страх заполнил всю комнату, где мы находились. Наверно, так чувствует себя человек, когда его держат под пистолетом и сообщают, что вот-вот казнят. Это был мой последний эксперимент. Потом Осаму получил несколько посланий на компьютер, которые пришли неизвестно откуда: компьютер не был даже подключен к источникам питания.

Сайто достал лист бумаги и протянул Кроткому. На нем был короткий текст: «Нельзя нарушать правила частот». Сайто сделал паузу, наблюдая за реакцией собеседников, затем продолжил:

– Наверно, эти палачи обладают колоссальной, агрессивной энергией и действуют по определенным правилам. А правило, вероятно, таково: если вмешаться в процесс принятия умершего, можно самому оказаться на том свете. Свидетелей «они» не любят. Правда, это не значит, что разделишь судьбу отъявленного «грешника». Но все же... Умирать-то никому не хочется. Но Осаму, господа! Канэто Осаму оказался настоящим ученым. Он решил установить, в чем закономерность прихода за умершими в одних случаях этих черных теней, в других – самых дорогих близких. Есть ли здесь связь с прошедшей земной жизнью умершего? Он в последнее время часто мне говорил, что уже увидел эту разницу, интуитивно чувствует ее, но, чтобы определить закономерность, требуется большое количество экспериментов, сопоставление их результатов с биографией умерших, образом жизни, их физическими данными, причиной смерти, ну и многим другим. Он продолжил эксперименты. Примерно через месяц прямо в центре Токио, на перекрестке, на большой скорости в машину Канэто Осаму влетел грузовик, и бедняга умер на месте. От машины ничего не осталось.

– А что расследование? Что шофер грузовика говорит?

– В грузовике, господа, никого не было...

– Как не было?

– Я же говорю, в кабине грузовика никого не было. Полиция, предположив, что водитель из машины выпрыгнул перед столкновением и скрылся за ближайшими строениями, возбудила уголовное дело, оценила действия неизвестного водителя как преднамеренное убийство, но никого, конечно, не нашла. Прохожие и водители других машин на перекрестке тоже подтвердили, что никаких выпрыгнувших из грузовика людей не видели. Но в полиции не поверили. И это понятно. Не мог же грузовик ехать по собственной воле, по нашим-то понятиям...

Кроткий возбужденно перебил его:

– Дело в том, что я был точно так же предупрежден во время последнего эксперимента с одним умирающим. Я писал вам, что мы построили мощные и чувствительные приборы. Они позволяют фиксировать движение и изменение энергии на Земле и в космосе, это можно видеть и на измерительных приборах, снимая нужные параметры, и на мониторах в течение длительного времени. В то же время энергия этого умершего не ушла в космос. После прихода за ним черной тени энергия исчезла. Куда – мы не знаем. Уж не в землю ли? Во всяком случае, я не смог получить никаких данных. Но мне кажется, что это, действительно, происходит в случаях, когда в течение жизни человек накопил столько разрушительной информации, что действие его поля – это не создание новой, а поглощение и уничтожение созданной другими информационной реальности.

Сайто слушал, но, казалось, думал о другом. Потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.